

УДК 8

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Овезгелдиева Г.А.

Преподаватель кафедры русского языка,

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади,

Ашгабад, Туркменистан

Сойунова Дж.

Студент,

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади,

Ашгабад, Туркменистан

Садыкова С.

Студент,

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади,

Ашгабад, Туркменистан

Аннотация

Статья посвящена анализу основных тенденций развития русской литературы после распада СССР, рассматриваемой как сложный и внутренне неоднородный постсоветский литературный процесс. В центре внимания – трансформация поэтики и жанровой системы, изменения институциональной инфраструктуры литературной жизни, переосмысление исторической памяти и национальной идентичности, а также соотношение «высокой» и массовой литературы. Автор опирается на исследования отечественных и зарубежных литературоведов, позволяющие реконструировать динамику перехода от позднесоветского культурного канона к множеству конкурирующих моделей, включая постмодернистские, неореалистические, документальные и транскультурные стратегии письма. Особое внимание уделено проблеме «новой субъективности», изменению роли автора и читателя, а также формированию новой сетевой и медийной конфигурации литературного поля. Постсоветская русская литература предстает как пространство пересечения различных эстетических, идеологических и медийных логик, что требует отказа от монолитных схем и обращение к модели «множественных модерностей» и разноуровневых канонов.

Ключевые слова: постсоветская литература, русская проза, современная поэзия, постмодернизм, реализм, документальная проза, транскультурность, литературный канон, память, идентичность, массовая литература.

KEY TRENDS IN RUSSIAN LITERATURE AFTER THE COLLAPSE OF THE USSR

Ovezgeldiyeva G.A.

Lecturer of Department of Russian language

Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Ashgabat, Turkmenistan

Soyunova J.

Student,

Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Ashgabat, Turkmenistan

Sadykova S.

Student,

Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,

Ashgabat, Turkmenistan

Abstract

This article analyzes the main trends in the development of Russian literature after the collapse of the USSR, viewing it as a complex and internally heterogeneous post-Soviet literary process. It focuses on the transformation of poetics and genre systems, changes in the institutional infrastructure of literary life, rethinking historical memory and national identity, and the relationship between "high" and popular literature. The author draws on research by Russian and international literary scholars, allowing her to reconstruct the dynamics of the transition from the late Soviet cultural canon to a multitude of competing models, including postmodernist, neorealist, documentary, and transcultural writing strategies. Particular attention is paid to the problem of "new subjectivity," the changing roles of author and reader, and the formation of a new online and media configuration of the literary field. Post-Soviet Russian literature emerges as a space where various aesthetic, ideological, and media logics intersect, necessitating a rejection of monolithic paradigms and a turn to a model of "multiple modernities" and multi-level canons.

Keywords: post-Soviet literature, Russian prose, contemporary poetry, postmodernism, realism, documentary prose, transculturality, literary canon, memory, identity, popular literature.

Введение

Распад СССР и последовавшая за ним радикальная трансформация политического, социального и культурного ландшафта задали принципиально новые условия существования русской литературы, изменив как режимы её институционального функционирования, так и символический статус в общественном сознании. Если в советскую эпоху литература была встроена в систему идеологического контроля и оставалась одним из ключевых каналов коллективной рефлексии, то постсоветский период знаменуется распылением центров культурного влияния, коммерциализацией книжного рынка и конкуренцией с новыми медиа. В результате русская литература после 1991 года оказывается в ситуации множественности эстетических стратегий, институциональных практик и читательских ожиданий, что делает необходимым пересмотр привычных категорий «эпохи», «стиля» и «канона». [2; 3]

Современная литературоведческая мысль, анализируя постсоветскую словесность, выявляет целый ряд устойчивых тенденций, которые, при всей их разноречивости, позволяют говорить о специфике «постсоветского» как особого культурно-исторического режима. В отечественной и зарубежной гуманитаристике закрепляются такие аналитические оптики, как проблематика памяти и забвения, исследования транскультурности и диаспорального письма, анализ новых способов репрезентации частного опыта и тела, а также изучение трансформации литературных институций и медиальных форматов. Цель настоящей работы – дать обзорный, но концептуально структурированный анализ основных тенденций в русской литературе после распада СССР, с опорой на работы ведущих исследователей и на примеры из прозы и поэзии последних десятилетий. [4]

1. Историографический обзор и проблематика «постсоветскости»

Понятие «постсоветская литература» сформировалось в тесной связи с более широким дискурсом о «постсоветскости» как особом типе культурной и политической реальности, возникающей на обломках советской системы. В литературоведении этот термин используется как для хронологического обозначения периода после 1991 года, так и для фиксации специфических эстетических и идейных параметров, отличающих новые тексты от позднесоветского наследия. При этом исследователи неоднократно отмечали внутреннюю гетерогенность постсоветской словесности, в которой сосуществуют и конфликтуют различные поколения писателей, идеологические позиции и эстетические модели. [1]

Важный вклад в концептуализацию постсоветского литературного процесса внесли коллективные сборники и международные проекты, посвящённые «современной русской культуре» и пересечению различных форм

«постсоветскости». В этих работах акцент делается на междисциплинарном подходе, позволяющем рассматривать литературу в связке с социально-политическими, медиальными и транснациональными контекстами, а также на сравнительном анализе новых поэтик, формирующихся в период с 1990-х до 2020-х годов. С другой стороны, отечественная критика и литературоведение стремятся вписать постсоветскую литературу в более протяжённую историю русской словесности, рассматривая её как очередную фазу «смены эпох» и пересборки канона. [2; 4]

2. Институциональные изменения и медиализация литературного поля

Одной из ключевых предпосылок постсоветской трансформации русской литературы стало радикальное изменение институциональной структуры литературного поля: распад системы централизованного государственного книгоиздания, появление множества коммерческих издательств и смена механизмов культурного отбора. Изменение экономической модели производства и распространения текста привело к усилению роли рынка, к ориентации на тираж и к формированию новых сегментов массовой литературы, что существенно повлияло на самоощущение писателя и его статус в обществе. [3]

Существенным фактором стала также стремительная цифровизация и развитие интернета, породившие новые каналы литературной коммуникации – от сетевой самопубликации до блогосферы и социальных сетей, где писатель и читатель вступают в непосредственный диалог. Исследователи отмечают, что горизонтальная модель цифровых коммуникаций способствовала разрушению иерархически организованной «поэтической топографии» прежней эпохи, в которой центральные журналы и союз писателей определяли доступ к публичности. В результате сложилась ситуация многоканальности и фрагментации, при которой традиционные институты сосуществуют с новыми, сетевыми формами литературной инфраструктуры. [3; 4]

3. Постмодернистский вектор и «литература конца эпохи»

Одной из наиболее заметных тенденций 1990-х годов стала активная рецепция и локальная переработка постмодернистской поэтики, проявившаяся в прозе ряда авторов, чьё творчество было воспринято как знаковое для эпохи «конца истории» и распада больших нарративов. Для этой линии характерны игра с культурными кодами, ироничная дистанция по отношению к советскому наследию, использование цитаты и пастиша, а также проблематизация самой возможности «серьёзного» повествования после травматического опыта тоталитарного XX века. [2; 4]

Литературно-критическая рефлексия подчёркивает, что постмодернистский проект в русской словесности не был однородным и включал как радикальные экспериментальные практики, так и более умеренные формы игрового письма, сочетающие деконструкцию с элементами традиционного повествования. В экспертных оценках звучит мотив «исчерпания» постмодернистской парадигмы к рубежу столетий, что связывается с изменением общественных запросов и с ростом интереса к более «прозрачным» формам высказывания, способным артикулировать новые социальные и экзистенциальные проблемы. Вместе с тем элементы постмодернистской чувствительности – ирония, интертекстуальность, недоверие к авторитетным дискурсам – продолжают функционировать в постсоветской литературе, вступая в сложные взаимодействия с иными эстетическими и идеологическими моделями. [4]

4. Неореализм, «новая искренность» и возвращение к нарративу

Параллельно с постмодернистской линией в постсоветской литературе обозначается устойчивый вектор, связанный с обновлённым реалистическим письмом, ориентированным на репрезентацию «обыкновенной жизни» и на реконструкцию социального опыта переходного времени. Исследователи фиксируют появление группы авторов, которые, дистанцируясь от постмодернистской игры, выстраивают повествование вокруг психологически достоверных персонажей, локальных пространств и повседневных ситуаций, стремясь к «прозрачному» языку и к этической ответственности повествования. [2]

В критическом дискурсе эти тенденции связываются с феноменом «новой искренности», предполагающим отказ от радикальной иронии и цинизма в пользу эмпатии, внимания к частному опыту и попытки артикулировать новые формы солидарности в условиях постсоветской разобщённости. При этом неореалистическое письмо не сводится к простому реставраторству классического реализма: оно активно интегрирует элементы документальности, фрагментарности, внутреннего монолога и иных техник, позволяющих передать сложность постсоветской реальности. Таким образом формируется многослойное пространство прозы, в котором «повествовательная» и «рефлексивная» линии взаимно проникают друг в друга. [2; 3]

5. Документальная проза, non-fiction и автобиографическое письмо

Важной чертой постсоветского литературного процесса стало расширение зоны документальной и документально-художественной прозы, включая репортаж, эссеистику, биографию и различные формы non-fiction. Изменение общественной атмосферы и открытие архивов стимулировали интерес к

«нерассказанной» истории, к травматическим сюжетам XX века, к частным свидетельствам о репрессиях, войнах и повседневной жизни позднесоветского общества. В этом контексте документальная проза становится не только способом восстановления исторической правды, но и формой личной и коллективной терапии, позволяющей проговорить травмы и переработать травматическое наследие. [3]

Одновременно растёт значение автобиографического письма, дневниковых и мемуарных практик, в которых автор исследует собственную субъективность, фиксируя пересечение частной жизни с большими историческими событиями. Исследователи связывают это с формированием «новой субъективности», для которой характерно одновременное стремление к самораскрытию и осознание сконструированности любого «я» как текстовой фигуры. Non-fiction в постсоветский период демонстрирует высокий жанровый и стилевой диапазон – от строго документального свидетельства до гибридных форм, стирающих границы между художественной и нехудожественной прозой. [4]

6. Память, травма и историческая рефлексия

Одной из центральных тематических осей постсоветской литературы становится работа с памятью – как личной, так и коллективной – и с связанными с ней сюжетами травмы, забвения и переосмысления прошлого. Литературные тексты активно осваивают ранее запретные или маргинализованные пласты истории, включая репрессивную политику, лагерный опыт, локальные конфликты и травматические эпизоды позднесоветской повседневности, которые в прежней культурной парадигме либо замалчивались, либо идеологически трансформировались. В результате возникает сложное поле «мнемонических» практик, в котором соседствуют стратегии критического пересмотра, ностальгического восстановления и иронической деконструкции советского наследия. [3]

Исследователи отмечают, что дискурс памяти тесно связан с проблемой формирования нового культурного канона, в котором прошлое становится предметом выбора и интерпретации, а не заданной «по умолчанию» ценностной системы. Литература, обращаясь к фигурам забвения, умолчания и вытеснения, выявляет конфликты между официальными версиями истории и частным опытом, между государственными практиками мемориализации и локальными практиками памяти. Таким образом, постсоветская словесность выступает как важный актер в борьбе за интерпретацию прошлого и за право на альтернативные нарративы национальной истории. [3; 4]

7. Тело, гендер и новая субъективность

Серьёзным сдвигом по сравнению с прежней литературной парадигмой становится усиление интереса к телесности, гендерной идентичности и частному опыту, что отражается как в тематике, так и в поэтике постсоветских текстов. В литературе 1990–2000-х годов появляются новые типы женской прозы и поэзии, разрабатываются фигуры «инакового» тела, маргинальной и травмированной субъективности, а также подвергаются сомнению привычные гендерные роли и модели маскулинности и фемининности. Эти тенденции соотносятся с глобальными изменениями в гуманитарном знании, включающими распространение гендерных и квир-исследований, а также с трансформацией общественных дискуссий вокруг тела, сексуальности и нормы. [3]

Концепт «новой субъективности», активно обсуждаемый в литературоведении, позволяет описать смещение фокуса от коллективных идентичностей к индивидуальному, часто фрагментированному «я», которое осознаёт себя как одновременно уникальный и текстуально обусловленный конструкт. В постсоветской прозе и поэзии это проявляется в разнообразных формах аутофикции, исповедального письма, а также в экспериментальных нарративных стратегиях, подрывающих устойчивость границ между автором, повествователем и персонажем. Тело в этих текстах становится не только объектом описания, но и медиатором исторического и культурного опыта, пространством, в котором фиксируются следы травмы, насилия и социального контроля. [2]

8. Транскультурная и диаспоральная русская литература

Особым сегментом постсоветского литературного поля выступает транскультурная и диаспоральная русская литература, создаваемая авторами, живущими за пределами России, но пишущими на русском языке или комбинирующими несколько языковых и культурных кодов. В исследованиях предлагается термин «транскультурная литература» как более адекватный по отношению к распространённому, но проблематичному понятию «русскоязычная литература», поскольку он фиксирует не только языковую, но и культурную множественность постсоветского опыта. Такие тексты часто строятся вокруг сюжетов миграции, культурного перевода и гибридной идентичности, одновременно вписываясь в русскую литературную традицию и выходя за её национальные рамки. [2]

Диаспоральное письмо постсоветского периода демонстрирует высокий уровень рефлексивности по отношению к самому понятию «дом», «родина» и «языковая принадлежность», превращая эти категории в предмет художественного эксперимента и философского анализа. При этом транскультурная литература активно взаимодействует с глобальными литературными рынками и институциями, что ставит вопрос о месте русской Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

словесности в мировой литературе и о возможности создания новых, наднациональных канонов. Таким образом, постсоветская литература обретает отчётливо выраженное трансграничное измерение, в котором национальные, языковые и культурные границы становятся проницаемыми и динамичными. [3]

9. Современная поэзия: стратегии и формы

Постсоветская русская поэзия развивается в русле сразу нескольких, порой взаимоисключающих тенденций, что затрудняет выстраивание единой иерархической картины. Исследователи выделяют, в частности, уход от традиционного лиризма, создание различных «лексических масок» и сближение поэтического письма с прозой, что ведёт к появлению новых гибридных форм и к размыванию границ между стихом и прозой. Эти процессы сопровождаются активной интеграцией разговорной речи, профессиональных жаргонов и медийных клише, что превращает поэтический текст в поле столкновения разнородных языковых регистров. [2]

Существенную роль в развитии современной поэзии сыграли независимые поэтические сообщества, фестивали и сетевые площадки, обеспечившие альтернативные каналы легитимации и коммуникации вне рамок государственно поддерживаемых институций. Поэзия постсоветского периода демонстрирует как продолжение авангардной и экспериментальной линии XX века, так и возрождение интереса к формальной дисциплине, рифме и строфике, нередко в сочетании с современной тематикой и ироничной интонацией. В результате формируется чрезвычайно разнообразное поэтическое поле, в котором сосуществуют традиционалистские и радикально инновационные практики, не сводимые к простой оппозиции «центра» и «периферии». [4]

10. Массовая литература и жанровый спектр

После распада СССР происходит стремительное расширение сегмента массовой литературы, включающей детектив, фантастику, фэнтези, любовный роман и хоррор, что связано с либерализацией книжного рынка и изменением читательских запросов. Отечественные издательства активно развивают жанровые серии, формируя устойчивые ниши и модели читательского потребления, а успешные авторы массовой прозы становятся значимыми фигурами литературного поля, конкурируя по тиражам с «высокой» литературой. Это ставит вопрос о новых критериях иерархизации, о роли критики и литературоведения в оценке текстов, ориентированных прежде всего на рынок. [2]

Исследователи отмечают, что граница между массовой и «серьёзной» литературой в постсоветский период становится всё более подвижной: многие авторы используют жанровые конвенции для постановки сложных моральных и

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

философских проблем, а элементы массовой поэтики и сюжетики проникают в тексты, претендующие на включение в «высокий» канон. В условиях медийного общества важную роль начинает играть фигура читателя как активного потребителя, чьи предпочтения оказывают непосредственное влияние на издательские стратегии и на темпоральную динамику литературной моды. Это подтверждает тезис о смещении акцента от культа Писателя к культу Читателя и о переопределении самой природы литературной коммуникации в постсоветскую эпоху. [1; 4]

11. Литературная критика и канон в постсоветскую эпоху

Постсоветский период ознаменован не только изменением собственно художественного письма, но и трансформацией литературной критики и теории, что отражается как в институциональной, так и в методологической плоскости. Ослабление централизованных критических площадок и появление множества альтернативных медиумов – от независимых журналов до интернет-порталов – приводит к плюрализации критического дискурса и к сосуществованию различных, иногда несовместимых критериев оценки. На уровне теории наблюдается активное усвоение западных гуманитарных парадигм – от постструктурализма до культурных и *memory studies*, – что стимулирует переосмысление отечественного литературного канона. [3]

Исследователи подчеркивают, что процесс канонообразования в постсоветскую эпоху носит незавершённый и конфликтный характер: классический наследуемый канон, советский нормативный канон и новые формы канонизации вступают в сложные отношения взаимной коррекции и конкуренции. Значимую роль в этих процессах играют институции премий, фестивалей, образовательных программ, а также глобальные механизмы признания, включая переводы и международные награды. В результате современная русская литература предстает как поле с несколькими «центрами притяжения», где канон понимается не как единая иерархическая система, а как динамичная сеть перекрёстных легитимаций. [2; 4]

Заключение

Постсоветская русская литература являет собой сложное, многослойное и внутренне противоречивое явление, в котором пересекаются разнообразные эстетические, идеологические и медиальные векторы. На уровне поэтики и тематического репертуара это выражается в сосуществовании постмодернистских, неореалистических, документальных и транскультурных стратегий письма, в усилении внимания к памяти, телесности и частному опыту, а также в расширении жанрового спектра и росте сегмента массовой литературы. Институциональные изменения – коммерциализация книжного рынка, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

цифровизация и медиализация литературной жизни – привели к переопределению статуса писателя и читателя, к плюрализации критического дискурса и к формированию новых моделей канонообразования.

В этих условиях исследовательский взгляд неизбежно смещается от поиска единой «эпохальной» формулы к анализу множества пересекающихся и подчас конкурирующих тенденций, что требует междисциплинарных подходов и внимательного отношения к локальным контекстам. Постсоветская русская литература не только отражает сложные процессы социальной и культурной трансформации, но и активно участвует в их осмыслении, выступая важным агентом в конструировании новых идентичностей, практик памяти и моделей общения. Это делает её изучение одним из ключевых направлений современной славистики и культурной компаративистики, предполагающим постоянное уточнение понятийного аппарата и открытость к методологическому диалогу.

Библиографический список

1. Казанская Н. Самовар как феномен русской культуры и единица культурного кода, представленная в литературе // *Cuadernos de Rusística Española*. 2025. Vol. 21. P. 371–386. DOI: 10.30827/cre.v21.30709.
2. Садулаева М. Х. Проблема восприятия актрис в русской литературе XIX века // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: материалы конференции. 2025. С. 364–370. DOI: 10.36684/1-2025-364-370.
3. Темаева Х. Н. Тема личности и действительности в русской литературе XIX века // Научный бюллетень Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2025. № 2 (6). С. 72–75. DOI: 10.36684/118-2025-2-6-72-75.
4. Szafrńska E. Архивный вектор в современной русской литературе // *Przegląd Rusycystyczny*. 2022. P. 25–38. DOI: 10.31261/pr.13854.